

К ИСТОКАМ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРЕХКОДОВОСТИ (РУССКИЙ ЯЗЫК — СУРЖИК — УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК)

2018 г. А.В. Савченко¹, М.С. Хмелевский^{2*}

¹Канд. филол. наук, ассистент-профессор
Государственного университета Чжэньчжи, г. Тайбэй

²Канд. филол. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета
*E-mail: chmelevskij@mail.ru

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.
Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского
языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современ-
ной языковой ситуации на Украине» (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).*

В статье анализируется украинская языковая ситуация, для которой характерна фактическая трёхкодовость: русский язык, украинский язык и особый феномен, имеющий переходный характер, — так называемый суржик. Наряду с чисто лингвистическими характеристиками рассматриваются экстралингвистические причины возникновения данного явления. Настоящее исследование затрагивает проблему межязыковой конвергенции двух близкородственных языков, а также вопрос влияния одного языка на другой, что обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, в первую очередь — вопросом престижности использования того или иного языкового кода.

The article analyses the Ukrainian linguistic situation, which is characterised by the factual triple coding: the Russian language, the Ukrainian language, and a peculiar phenomenon of transitional nature, the so called surzhyk. Alongside with its purely linguistic characteristics, the article considers extra-linguistic causes of emergence of this phenomenon. The study touches the problem of inter-linguistic convergence of two closely related languages, and the question of the influence of one language on the other, determined by both linguistic, and extra-linguistic factors, first and foremost by the issue of prestige of use of one or another linguistic code.

Ключевые слова: украинский язык, русский язык, суржик, языковой код, языковой сдвиг, украинская языковая ситуация, русско-украинский билингвизм, языковая интерференция, межславянская омонимия.

Keywords: Ukrainian, Russian, surzhyk, language code, language shift, the Ukrainian language situation, Russian-Ukrainian bilingualism, language transfer, inter-Slavic homonymy.

DOI: 10.31857/S0869544X0001764-3

Становление современной языковой ситуации на Центральной и Юго-Восточной Украине, при которой население крупных городов фактически является русскоязычным, — это длительный исторический процесс, уходящий корнями в глубь XIX в. Согласно статистическим данным, на рубеже XIX–XX вв. в крупных городах украинцы составляли всего треть населения, остальные две трети были русские и евреи, говорившие на русском языке [1. С. 4]. Таким образом, города Левобережной Украины представляли собой мощные русскоязычные центры [2. С. 8].

Процесс укоренения и распространения русского языка среди этнических украинцев, а вместе с ним и русскоязычной культуры за счет ослабления связей с родным языком и культурой, зачастую приводившего к полной их утрате, проходил и так, что украинцы нередко сами, по сути добровольно и вполне осознанно, стремились максимально уподобиться титульной в Российской империи русскоязычной нации (прежде всего это касалось жителей Центральной и Юго-Восточной Украины).

В результате именно такой «обратной» тенденции уподобления в представлении носителей украинского языка русский литературный язык постепенно начал приобретать статус некоего более «престижного языкового кода», использование которого связывалось со многими жизненно важными сферами общественной жизни: образование, наука, право, административное управление, военное дело и т.п. С другой стороны, украинскому языку отводилась роль средства бытового общения сельских жителей, мещан, обывателей, мелких торговцев, ремесленников, малообразованных слоев общества, а также роль фольклорного творчества и песенно-обрядовой культуры. Данный парадокс, связанный со сниженной национальной самооценкой, с одной стороны, поддерживался тем, что в бытовом сознании многих русских украинский язык являлся языком *малым* (если не сказать «второсортным») по сравнению с *великим* русским языком [3. С. 103], а с другой — что не менее парадоксально — это бытовое восприятие на протяжении как минимум двух веков оседало в сознании самих же украинцев и давало свои результаты в виде заниженной национальной самооценки. Бытовое представление о собственной национальной «второсортности» или «неполноценности» у украинцев в сравнении с русской нацией подпитывалось и самой украинской художественной литературой (тенденциозное направление и тон которой в этом отношении задал сам ее родоначальник И.П. Котляревский), в которой образ украинца в основном характеризовался такими качествами, как наивность, глуповатость, «местечковость» и т.д. Подобный образ украинца как человека «себе на уме» в сюжете литературных произведений представлял собой юмористический персонаж, и вызывал у русского читателя умильную улыбку (тот же образ поддерживался и в советском киноискусстве XX в., что только упрочило вышеупомянутое «бытовое сознание»). Как следствие вышесказанного, в сознании украинцев начала формироваться стереотипная оппозиция *великий* — *малый* народ, что в результате проявлялось в стремлении «быть похожим на русского», «стать русским», а значит — «говорить по-русски», что, естественно, не могло не породить представление о русском языке как о более «престижном» языковом коде по сравнению с родным, и это во многом обусловило процесс языкового сдвига у жителей крупных промышленных центров, прежде всего юго-востока

Украины и Поднепровья, включая столицу — Киев [4. С. 91]. Русский язык постепенно начал приобретать статус «городского языка», следовательно, в сознании самих же украинцев он имел более высокую социальную маркированность по сравнению с «сельским языком», «языком деревни» — украинским. Здесь же заложена одна из основных причин языкового сдвига у украиноязычных сельских жителей, который заключался в том, что переезжавшие в крупные города крестьяне переходили на более престижный «городской язык» — русский.

Отмеченная выше многовековая тенденция добровольного перенимания русского языка и русской культуры как маркера более престижной национальной формации относится прежде всего к общественно-социальной ситуации крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины¹, в том числе и самого Киева как наиболее яркого и показательного в данном смысле примера. Ввиду фактически сложившегося городского билингвизма, переходя на русский язык, этнический украинец повышал таким образом свой социальный статус, позиционировал себя (или создавал видимость) и, главное, воспринимался в украиноязычном окружении как более образованный, заслуживающий большего уважения и авторитета в обществе. Меняя свой родной языковой код (будь то украинский язык, говор или украинское просторечие) на русский язык, он вместе с тем сам поднимался на более значимый, более престижный социально-коммуникативный уровень и переходил на более высокий стиль общения. При этом не имело никакого значения собственно само действительное наполнение образа говорящего на русском языке, важным являлся только языковой код, которым он пользовался и который сам по себе уже ставил его на более высокую позицию в украиноязычном обществе [4. С. 93].

Показательным примером может служить интерпретация пьесы Н.В. Гоголя (в переводе на украинский язык) в Национальном академическом драматическом театре им. И. Франко в Киеве (2009 г.), где вопрос переключения языкового кода, и, как следствие, смена социального статуса главного героя играет одну из ключевых ролей в создании сценических образов. Так, И. Хлестаков для придания важности своей персоне и повышения своего авторитета среди провинциальных чиновников, помимо известных гоголевских приемов, использует на сцене хорошо знакомый киевской публике еще со времен Н.В. Гоголя прием перехода на русский язык в окружении остальных украиноязычных персонажей. Более того, на протяжении всего действия украиноязычные герои в своем стремлении подражать *человеку из Петербурга* и быть на его уровне постепенно переходят на его языковой код, т.е. русский язык, или как минимум пытаются, кто как может, максимально русифицировать свою украинскую речь в общении с ним, при этом ни для кого из них, включая самого И. Хлестакова, согласно режиссерскому замыслу, русский язык изначально не является родным.

Таким образом, русифицированная языковая атмосфера крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины (как в XIX в., так и в насто-

¹ Современные Харьков, Чернигов, Днепр (бывший Днепропетровск), Черкассы, Запорожье, Кропивницкий (бывший Кировоград), Кривой Рог, Одесса, Херсон, Винница, Хмельницкий и др.

ящее время) продолжает углублять комплекс провинциализма и собственной неполноценности, присутствующий в подсознании выходцев из села или небольших городов, и социальный статус украиноязычного провинциала оставался и остается в значительной степени заниженным [5. С. 154]. По этой причине, попадая в крупный город (Киев, Харьков, Одессу и др.), он вынужден подстраивать свой родной языковой код под так называемый городской язык — русский, а в действительности — зачатую «псевдорусский», т.е. суржик [6. С. 32].

Результатом многовекового скрещения русского и украинского языков в общественной среде крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины явилось формирование третьего языкового кода — так называемого украинско-русского гибридного языка — *суржика*. Данное явление языкового смешения имеет долгую историю, насчитывающую как минимум три столетия, однако до сих пор в современной славистике оно остается недостаточно изученным лингвистически, прежде всего по причине отрицания данной проблемы многими украинскими лингвистами, пуристами и национальными идеологами вследствие их далеких от реальной ситуации представлений об «идеальном» моноязычном обществе.

Некоторые из укоренившихся определений суржика пользуются такими ярлыками, как «засоренный», «смешанный», «нездоровый», «хаотический», «загрязненный», «изуродованный». Поскольку эти эмоционально заряженные определения возникают как субъективные проекции соответствующих оппозиций («чистый», «однородный», «здоровый» и т.п.), к ним едва ли стоит прибегать как к инструментам объективного научного исследования самого феномена [1. С. 5]. Существование данного языкового феномена как результата языковой конвергенции являлось и в действительности до сих пор остается неоспоримым фактом, характеризующим языковой портрет жителя крупных украинских городов (не исключением будут и города Западной Украины, прежде всего — многонациональный Львов, а также Черновцы, Луцк, Ужгород и др., где, хоть и в меньшей степени по сравнению с остальной Украиной, представлено данное языковое явление) [7. С. 223].

Сам термин «суржик» по своей сути является метафорой и восходит к сельскохозяйственной лексике. Так, словарь украинского языка фиксирует у данной лексики два значения: 1. Смесь зерна пшеницы и жита, жита и ячменя, ячменя и овса и т.п., мука из такой смеси; 2. *перен., разг.* Элементы двух или нескольких языков, искусственно соединенных, без соблюдения норм литературного языка; нечистый язык [8. С. 854]. Помета *разг.* в словаре 1978 г. свидетельствует о том, что в советском языкознании эта проблема была табуизирована, поскольку она противоречила устоявшейся идеологической концепции «благоприятного влияния русского языка на другие языки народов СССР» [4. С. 320]. Однако, начиная с 90-х годов XX в., когда вопрос о суржике попал в круг научных интересов лингвистов и социолингвистов, это второе значение в современной украинистике терминологизируется и используется для обозначения данного уникального языкового феномена ненормированного и спорадического смешения двух близкородственных языков в ходе многовековых контактов и вследствие различных исторических, социальных и прочих экстралингвистических причин. Исследователям этого

языкового явления пока не удалось установить точных временных рамок его возникновения. Основными пользователями суржика, по мнению Л. Масенко, были представители местного чиновничества, приспособившие свою речь к русскоязычным канцеляризмам, и солдаты, прошедшие многолетнюю службу в царской армии. С развитием промышленности и индустриализации крупных городов Левобережной Украины в конце XIX в. суржик получает более широкое распространение за счет жителей украинского села, переезжавших в русскоязычные города [2. С. 8].

Формировавшаяся на протяжении более двух столетий языковая ситуация фактического триязычия, или, точнее сказать, трехкодowości (русский язык — суржик и его варианты — украинский язык), несомненно, находит свое отражение в украинской литературе, в особенности в драматургии, где монологическая речь героев является специфическим приемом для создания их образов. Иллюстративным примером является классическое произведение И.П. Котляревского (1782—1851, Полтава²) «Энеида» (1798 г.), в котором впервые широко отразилось рассматриваемое языковое явление, а вслед за ним — произведения таких украинских писателей, как Г.Ф. Квитка-Основьяненко (1778—1843, Харьковская губерния), А.П. Кулиша (1819—1897, Черниговская губерния), О. Вишни (1889—1956, Полтавская обл.), О.Ф. Черногуза (1936, Винницкая обл.) и др., где включение русского языка в речь украиноязычных героев является одним из авторских приемов создания комического эффекта. Среди множества имен следует также особо выделить в этом смысле пьесы И.К. Карпенко-Карого (1845—1907, Херсонская губерния). Автор довольно часто вставляет в речь своих героев слова, фразы и целые текстовые фрагменты на русском языке (зачастую в искаженном виде), выступающие своеобразным языковым средством (языковым маркером) для создания литературного портрета персонажей, в большинстве случаев полностью нивелирующимся при переводе на другой язык, в котором отсутствует аналогичное украинскому явление языковой трехкодowości. Так, к примеру, в его пьесе «Мартин Боруля» главный герой пытается во что бы то ни стало выбиться в дворяне (получить из Петербурга свидетельство о признании его, зажиточного шляхтича, дворянином), прилагая для этого все усилия, в том числе и языковые, — он, как может и насколько позволяют ему его «знания», переходит на русский язык (а в действительности — на некое подобие русского языка), перенасыщенный русскими языковыми штампами, канцеляризмами и стилистическими погрешностями, полагая на уровне своего «бытового» сознания, что это позволит ему поднять свой социальный статус и определенным образом возвыситься над представителями его же круга [9].

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что суржик может возникать в ситуациях, когда украинский крестьянин старается выглядеть человеком более «городским», или когда современный русскоговорящий украинец — житель, например, Запорожья или Кривого Рога, — пытается изучать государственный язык, или когда житомирский подросток копирует «стильный» жаргон, например, киевского диск-жокея, при этом все они, сами того не осознавая, вместо украинского языка говорят на суржике [10. С. 283].

² Место рождения здесь и далее приводится с целью указания на родную и знакомую языковую среду украинских литературных деятелей.

Итак, в стремлении изменить свой родной языковой код (избавиться от данного маркера провинциальности) и перейти на более престижный «городской язык» (т.е. русский) житель, например, Киева оказывался в ситуации, когда в конечном итоге он не владел на должном уровне ни украинским, ни русским литературными языками, а пользовался (в том числе и в письменной речи) некой лексически и стилистически обедненной смесью обоих языков, а точнее, их просторечных вариантов с вкраплениями канцеляризмов, штампов и клише из русского языка [3. С. 617].

С другой стороны, если говорить о языковой ситуации Киева и конкретно о языке русифицированной киевской интеллигенции середины XIX в., заметим, что он существенно отличался от «пушкинского» русского языка прежде всего своей стилистической витиеватостью по причине отсутствия у говорящего тонкого языкового чутья неродного (но понятного) русского языка. Он изучался представителями украиноязычных образованных кругов в основном по письменным литературным или научным текстам (что и придало ему своеобразную вычурность слога и отдаляло его от разговорного языка петербургской и московской интеллигенции). Кстати, здесь стоит упомянуть, что такую «карамзинскую витиеватость» (как многие метафорично называли данный языковой код) любил и Т.Г. Шевченко (1814–1861, Киевская губерния, ныне Черкасская обл.), о чем свидетельствуют его прозаические произведения, написанные им по-русски, вернее, не совсем по-русски, а, так сказать, «по-русско-университетски»³ [7. С. 30]. Для иллюстрации приведем пример подобной «карамзинской витиеватости» из его русскоязычной повести «Наймичка»:

Жил в городе Крюкове (что за Днепром, против Кременчуга), так в этом городе Крюкове жил богатый, неисчислимо богатый чумак Роман. Каждое божие лето отправлял он две валки [...] Так посудите сами, какой он круг всегда давал. Вот он однажды, продавши нароздриб и частку гуртом свое добро, думал было возвращаться домой, да приостановился ненадолго около корчмы, около той самой корчмы, что и теперь стоит уже за городом под вербами [...] А тут уже [...] стояло десяток-другой чумацких возов распряженных, а кой-где под возами сидят себе люди добрые да горилку кружат [...] он, оставя волю в ярмах, пошел в корчму, говоря: «Я только чвертку выпью». Заходит в корчму, а там шинкарочка точно на картине намалевана, будто шляхтянка какая. Чумак Роман был уже хотя и немолодой чумак, однако в нем сердце заиграло, глядя на такую кралю. Краля это смекнула да, усмехнувшись, и спрашивает его: «А чего вам хорошего надобится, господи чумаче?». Она таки умела и по-московски слово закинуть [11. С. 4].

С лингвистической точки зрения, бросаются в глаза прежде всего факты стилистических сдвигов, несовпадение предмета описания с его лексико-стилистической оформленностью, нагромождение русских архаичных и книжных элементов, которые спорадически переплетаются с просторечными формами и украинскими словами, что было довольно характерно и для языка русифицированной киевской интеллигенции середины XIX в., речь о котором шла выше.

³ Подчеркнем, что все прозаические произведения (повести, драмы и даже его личный дневник) написаны Т.Г. Шевченко на русском языке, тогда как украинский язык оставался для него исключительно языком поэзии.

С другой стороны, обычные жители Киева пользовались довольно странной смесью русских, украинских и частично польских слов, получившей название «киевского суржика». Киевский суржик — это язык столичного города, переставшего быть украинским, но так и не ставшего русским [12], довольно эфемерное новообразование, вызывавшее снисходительное, нередко иронично-саркастичное чувство у петербургской и московской интеллигенции, с одной стороны, и яростное негодование у знатоков и ценителей как украинского, так и русского красивого правильного слова — с другой. В качестве иллюстрации последнего приведем отрывок из статьи корреспондента газеты «Киевские губернские ведомости» от 1854 г.: «*При первом посещении Контрактового дома я был поражен, ошуман, увидевши и услышавши все, что там происходило [...] Разные фразы замечательны. “Прощайте, мы пойдем додому”. — “Нет, не идите, вы еще, кажется, имеете видеть пана Стрежличко”. — “Перестаньте, вы смеетесь с меня”. — “Вот сюдою, сюдою пойдемте!” — “Нет, лучше тудю. Там, видите, как все крутятся”*» [12].

Писатель-публицист С.М. Богуславский в своем «Иллюстрированном путеводителе по г. Киеву» (1904 г.) назвал это сложившееся к началу XX в. киевское городское койне «нелепой помесью польского и еврейского языков с малороссийским»: «*Самые чудовищные ударения, родительный падеж вместо винительного, “дай мне ножа”, “сам” в смысле “один”, “тудю”, “сюдою” вместо “туда” и “сюда”, “скупаю за тобой” — на каждом шагу, даже в устах интеллигентных лиц*» [13. С. 162].

В продолжение рассматриваемого вопроса языковой ситуации (в частности Киева середины XIX в.) проанализируем с лингвистической точки зрения наиболее характерные для «киевского языка» примеры русско-украинского смешения на различных языковых уровнях, выбранные нами с данной целью из прецедентного в этом отношении текста комедии «За двумя зайцами» украинского писателя М.П. Старицкого (1840—1904, Киевская губерния, ныне Черкасская область). Он стоит в одном ряду с теми писателями — последователями И.П. Котляревского, которые включали в свои произведения элементы разговорной речи, отражающей полиязычие, или языковую многокодовость крупных городов Центральной Украины (русский язык — варианты суржика (суржики) — украинский язык). В этом тексте контекстно представлены статусы и социальная маркированность различных языковых кодов, а также механизмы их переключения в различных коммуникативных ситуациях.

Комедия М.П. Старицкого «За двумя зайцами», написанная в 1883 г. на украинском языке, содержит в себе вкрапления из «киевского суржика» для придания большей комичности. Она получила широкую известность и в русскоязычной культуре XX в. после ее экранизации в 1961 г.

В пьесе изображаются два героя: Проня Сирко, дочь лавочника, стремящаяся изо всех сил подняться вверх по социальной лестнице, и Свирид Голохвастый, промотавшийся цирюльник, ищущий богатую жену и более высокое положение в обществе, — оба с претензией на утонченность манер, выражающейся в попытках ввести в свою речь как можно больше «маркеров престижа», т.е. элементов доминирующей русской культуры, переключить свой родной языковой код (украинский язык) на более «престижный городской», в результате чего получается, что они оба говорят на

киевском суржике. Язык этих героев может послужить иллюстративным примером к описанию уникального феномена русско-украинской конвергенции, а также богатым материалом для лингвистического описания и анализа данного языкового явления на основных языковых уровнях.

1. Фонетический уровень:

а) замещение *ф* в заимствованных словах звуком [х] или сочетанием звуков [хв], что отражается на письме: *аглицький хвисон*⁴, *хранцюзька помада*, *хвамілія*, *хвизиномія*, *хворми нету*, *ніякой делікатной хвантазії*, *охвицера* (фонетическое явление, характерное для центральноукраинских говоров, равно как и для южнорусских говоров и русского просторечия);

б) вставное *д* как признак киевского — и шире — центральноукраинского просторечия (как общевосточнославянская фонетическая черта, ср. русское просторечие: *спинджак*): *Здається, ей пондравилсь; Їй-богу, нельдзя*;

в) характерное для суржика смешение русского звука *ы* и уникального украинского звука переднего ряда верхне-среднего подъема *и* (фонетически среднего между русскими *ы* и *и*) с отображением данного явления на письме в украинском тексте: *Рекомендуйте мене, пожалуста, барцинням!*, *вот я би бив щасливий, первий кавалер; такії красиві мущини; ви мушчина, а я барциня*;

г) характерное для украинской фонетики озвончение согласного перед сонорным: *од любви* или звонким: *од вас*;

д) нарочитое акание для подражания русскому языку с целью создания некоего эффекта использования иного, социально более высокого в представлении мещанских кругов того времени языкового кода: *а как она, значить, при галаве*; включая лексическо-фонетические языковые вставки, например частотное употребление наречия *харашо* (укр. *хорошо*). При этом можно сделать предположение, что поскольку в большинстве случаев М.П. Старицкий фонетически не отмечает на письме явление аканья, редукция *о* и *а* в русскоязычных лексических «вкраплениях» под влиянием украинской фонетики отсутствует. В этой связи следует отметить, что такого рода непоследовательная редукция гласных, встречающаяся в речи героев пьесы, — обычное явление среди носителей украинско-русского суржика [10. С. 284];

е) формы вопросительных местоимений, деформированные в суржике под влиянием русской фонетики: *Што ви хочете од мене?*;

ж) под влиянием украинской фонетики отвердение мягкого *р*: *Што ви, я не куру! Я вже не говору, бруки*;

з) под влиянием украинской фонетики смягчение *ц*: *Ах, обманищця чортова*.

2. Морфологический уровень:

а) типичное для украинского языка явление стяжения окончаний в формах прилагательных или местоимений, которым в русском языке соответствуют полные формы: *Свино́та необразова́нна!; про таку́ любов; хитра́ штука*;

⁴ Здесь и далее приводятся примеры из пьесы М.П. Старицкого в их оригинальном написании [14], что часто не соответствует литературным нормам ни русского, ни украинского языков, поскольку автор использует фонетический принцип передачи на письме некодифицированной формы разговорного языка своих героев, но при этом следует отметить, что делает это далеко не последовательно, так как к моменту написания пьесы вопрос о фонетическом принципе оформления украинской речи не был решен окончательно.

б) особым языковым признаком суржика считается употребление форм местоимений, у которых формы косвенных падежей в большинстве своем не являются ни русскими, ни украинскими, а представляют собой нечто среднее между двумя языковыми нормами: *Міне так солодке обридло!; Трохи чи я даже не улюбився у ёйо.*

в) особую роль в суржике играют глагольные формы, которые обычно не являются литературными ни в украинском, ни в русском языках, в частности:

- формы глаголов 2-го лица мн. числа: *Да што ви понімаєтьо?;*
- формы императива: *Хадьомте у праходку* («на прогулку»);
- формы прошедшего времени у русских лексем с украинским суффиксом -в-: *я й з дівицею ще не познакомився як слід; Не видержав, бо розгорівсь, як камфорка; бруки запачкав; я дожидавав мамзелю* (лексическое вкрапление под влиянием украинского невозвратного глагола *я чекав*); или формы сослагательного наклонения: *я би бив щасливий; я би кожну мінуту одмикав ваше серце і смотрел би, не мився б, не помадився б, не пив, даже не кури́в би по три дні, та всьо б смотрев би!;*

г) морфологически застывшие словоформы из русского языка в частотном употребительных словах: *п'ять копеек* (вместо *копійок*), а также многочисленные морфологические вкрапления из русского просторечия, не являющиеся нормативными формами в обоих языках: *скільки тисячов; по-благородньому говорити понімаю; не можу поправити своїх ділов; Я позвоу родителів зараз; охвищера* (им. пад. мн. ч.).

3. Лексический уровень:

а) формы слов *нет / нету* (и гибридный вариант *ніт*) и *да* вместо литературных украинских *ні* и *так*;

б) вставки русских слов в виде вводных и неполнозначных слов, а также слов-паразитов: *чесне слово; ще нет, конешно; можно сказать; От, возьмём, примером, бруки, тут, понімаєте, делікатна матерія; впрочем, начхать; Не робіть, пожалуста, шкандалю!; Кожинного дня у нас вдома ласощов етих разних; Позвольте спитати.* А также вставки слов-паразитов, клише и искаженных штампов как подражание русскому официальному стилю внутри украинского текста с целью придания фразе экспрессивного оттенка и смены языкового кода на — субъективно или стереотипно — более престижный [15. С. 423]: *Цигарка первий сорт!; А славні тут дівчатка-міщаночки, доложу вам!; а плаття первое дело; Ніякого понятія нету; Удивительне діло!; Приходьте ж завтра безпременно; Я її знать не знаю, ведать не ведаю!; А ти тікай, бо посадить — чиста напасть!; Потому здесь у меня (показує на серце) такое смертельное воспаление завелось, што аж шипить!; Ну, до свіданья! А также использование (часто неуместное) штампов, клише, канцеляризмов и стилистически маркированных фигур речи из русского языка в украинском тексте для выражения эмоций: *Та ідіть, ідіть, кажу... от наказаніє!; Потому здесь у меня (показує на серце) такое смертельное воспаление завелось, што аж шипить* (семантический сдвиг)!; *Ви завтра приходьте до нас предложеніє делать; а ви і предложеніє зробите; Будьте ж щасливі в новій жизні!; як раз плюнуть.* Здесь же следует отметить и фонетически искаженные употребления заимствований из европейских*

языков, часто в отрыве от их семантики, с целью придания вычурной «псевдопрестижности» своему языковому коду: *канахветка; водити з вами кумпанію; бонджур у вашу хату!; Я ще більше люблю пальчини, нанаси; Понімаєте ви, як свині у апальцинах!;* а также факты стилистического сдвига в силу отсутствия у данного социального слоя языкового чувства: *там у цилюрні уже посадив замість себе гарсона; при місяці такой шик!;*

в) украинско-русский тавтологический повтор, при котором один компонент представляет собой лексему из родного языка, а второй — повторяющийся — из другого языкового кода (т.е. стандартного русского языка или русского просторечия): *А, хорошо, добре...; Да што, впрочем, про них? — годі, доволіно!; Я чоловік не очень дуже посадищий; потому луснуть, пардон, треснуть; Так только здається-кажеться, а потом дуже прекрасно; Да хіба я разві поганий?; Горю, палаю од щастя; хіба-разве я не любий тобі?; Чи разве нельзя, щоб скоріше весілля?*

4. Фразеологический уровень киевского суржика заслуживает особого внимания. Помимо вставок во фразеологическую модель русских слов мы часто видим авторское начало в создании устойчивой единицы: *Довгіє* (укр. *боргіє*) *стільки як блох у курнику!* (авторский фразеологизм — «как блох в курятнике»); *Моє серце розпалося, мов щипсі!* (окказиональное авторское сравнение); *ласощов етих різних, хоч свиней годуй!* (авторский фразеологизм — «хоть свиней корми»); *у міня з языка, как з колеса в млине, так што-небудь і ляпне!* (семантическая нейтрализация глагола *ляпнуть*); *как вилиті* (калька русского устойчивого сравнения); *штов про таку любов писалось, штов як смола кипіла!* — *Да, штов аж волос смалила!* (авторский фразеологизм и его обыгрывание); *дак так робиться у тебе унутрі, як у самоварі, аж гуде!* (двойное авторское сравнение для усиления интенсификации); *потому улюбљон, як окроп кипить, Не видержав, бо розгорівсь, як камфорка* (авторские сравнения — букв. «как кипяток кипит», «разгорелся, как конфорка»).

5. Межъязыковая лексическая интерференция:

а) факты лексико-семантической межъязыковой интерференции, которые автор намеренно вставляет в речь своих героев: *Як повідів я вас коло Владимира* (укр. *побачити* и русск. *увидеть*); и, как следствие, возникновение непонимания между носителями разных языковых кодов: *У нас сьогодні не прийомний день. — О? Що ж там скоїлось? У мене дуже приємний: усі яблука спрдала!* (факт омонимии, где укр. *приємний* — «приятный»);

б) смешение двух близкородственных языков можно наблюдать в виде лексических вставок из русского языка на языковой основе украинского языка (грамматика, лексика, синтаксис) [16. С. 617] (в первую очередь это относится к словам с абстрактным значением, употребляемым в фонетически искаженном виде): *Та я не панич, а простий міщанин, — то тільки зверху на мені образованність!; необразованність одна!; Що ж це, впустили якусь самашедшу! — Я самашедша? Ти мене самашедшою зробив!; бо так приятно під дубом романа читати; Одне слово, не вашого розуму дело!; То все ж таки можете хоч трошки модніще себе держати; Проня Прокоповна маєт скус!; Погано ділали, що так думали!; А лавка, а денег по скринях!; Бо я їм усім денег позичаю; і вони согласні;*

в) явление стирания исконного значения лексемы и ее абсолютной семантической выхолощенности, лексико-стилистической неуместности и некорректности употребления: *Я скоропостижно хочу женитися на їх; Брехня, брехня! Я вам не позволю публіковать меня!; міня знаєт увесь Київ чисто; Хіба в шинку тільки й н'ють? — Раз у раз у шинку, а в образованих домах тільки до обіду!; Нет ли у кого иногда сірника?* (в значении: «нет ли у кого случайно спички?»). Здесь же в качестве примера приведем факты лексико-стилистического сдвига и нейтрализации внутренней семантики фразеологизма: *ви просто така ціпонька, що аж слина котиться; а то у мене діла, аж пишчатъ* (украинское просторечие и трансформированная семантика фразеологизированного интенсификатора).

В заключение в качестве иллюстративных примеров русско-украинского гибридного смешения одновременно на всех языковых уровнях в разговорной речи киевского обывателя приведем некоторые сегменты из текста пьесы М.П. Старицкого с нашими лингвистическими комментариями фактов языкового смешения:

1) *Єжелі* (уподобление высокому стилю русского языка и отсутствие чувства стиля) *когда* (служебное слово, тавтологический повтор синонимов из разных стилей русского языка) *человек подиметься разумом* (стилистический сдвиг — в значении «мысленно представит себе») *вгору вище од лаврської колокольні* (лексическая вставка вместо укр. *дзвінниця*) *да* (уподобление высокому стилю русского языка) *глянет* (лексическая вставка из русского языка вместо украинского *подивиться*) *оттудова* (лексическая вставка из русского просторечия) *на людей, то вони йому здаються-кажуться* (тавтологический повтор синонимичных лексем из разных языков) *такі маненькі* (лексическая черта украинского просторечия), *как пацюки, пардон, криси* (тавтологический повтор синонимичных лексем, фонетическое неразличение *ы* и *и*);

2) *Вся душа моя стрепенулась* (вставка из русского языка и просторечная форма глагола), *как зачув* (вкрапление из русского языка неполнозначной лексемы *как*) *я ваш ангельський голосок* (цитируемое клише из русского языка), *мов дискантів найкращих у концерті* (окказиональное авторское фразеологизированное сравнение и подражание высокому стилю);

3) *Не видержу* (лексическое вкрапление из русского вместо украинского *не витримаю*), *треба її діждатись* (украинизированный русский глагол вместо украинского *дочекатися*), *хоть раз ще глянуть!*;

4) *Да у меня просто сердце не видержитъ* (русский текст, украинизированная форма русского глагола) *этой проволочки* (языковой штамп и фонетически искаженная форма указательного местоимения *этой*), *ей-богу, может луснуть* (украинский глагол «*лопнуть, треснуть*» с русифицированной формой инфинитива)!

Итак, на вышеприведенных текстовых фрагментах пьесы М.П. Старицкого мы также можем наблюдать функционирование двух систем, или кодов внутри самого суржика: 1) русско-украинский суржик, в основе своей русский с украинскими элементами, и 2) украинско-русский, в основе своей украинский с русскими элементами. Вопросы переключения носителем суржика языковых кодов внутри самого суржика довольно тонкие и обуславливаются в основном экстралингвистическими причинами, как то:

1) ориентировка на собеседника и уподобление его языковому коду с целью быть понятым им, а вернее, — находиться с ним на одной социальной ступени, быть «своим» в рамках оппозиции «свой» — «чужой», возникающей вследствие общения двух собеседников на разных языковых кодах;

2) стремление возвыситься в социальном смысле в глазах собеседника — использование первого кода в общении с собеседником, употребляющим второй вариант суржика, поскольку первый тип на уровне подсознания его носителей обладает более высоким статусом «престижа»;

3) использование первого типа суржика для поэтизации собственной речи (как в пьесе М.П. Старицкого, например, признания в любви, псевдофилософские размышления и т.п.) и второго типа суржика — для обычного бытового общения;

4) переход на более естественный второй тип суржика в ситуациях исключительно монологической или внутренней речи, когда у говорящего отсутствует потребность представлять себя перед другими в более выигрышном положении и статусе, нежели он является на самом деле.

Таким образом, мы в основных чертах представили исторический обзор формирования такой украинской языковой ситуации, при которой одновременно сосуществуют русский и украинский языки вместе с гибридным (псевдо)языком — суржи́ком (в разных его проявлениях) и которая начала складываться еще в XIX в. (а возможно, и ранее), оставаясь и по сей день актуальной для языка улиц крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины. Все три кода могут легко укладываться в языковом портрете одной языковой личности, покрывая при этом каждый свою функционально-коммуникативную сферу, а ситуации и причины их переключения обуславливаются описанными выше социолингвистическими и экстралингвистическими условиями. Причем набор кодов, которыми владеет один индивид, может варьироваться в зависимости от региона проживания и степени образованности: 1) украинский и русский языки, 2) украинский язык и суржик, 3) русский язык и суржик или что наиболее часто — 4) только суржик, или же, что крайне редко — 5) только русский язык при пассивном владении украинским. Факты владения только украинским языком в современной ситуации билингвизма (в разных формах его проявления) исследователями украинской языковой ситуации не зарегистрированы.

В отношении же самого явления киевского суржика и шире — современного киевского русскоязычия — мы находим совершенно разные, порой диаметрально противоположные, но зачастую во многом оценочные субъективные характеристики. Вряд ли к ним стоит прибегать как к инструменту научного лингвистического описания языковой ситуации на Украине, характеризующейся трехкодовостью, которая вплоть до настоящего времени является неоспоримой и априорной социолингвистической данностью, требующей дальнейшего глубокого научного изучения с применением объективного научного подхода и взвешенного лингвистического анализа.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ І ІСТОЧНИКОВ

1. Курохтина Т.Н. Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
2. Масенко Л. Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // Belorussian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization. Studia Slavica Oldenburgensia. Oldenburg, 2008.
3. Савченко А.В., Хмелевский М.С. «Здравеньки булы!», или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-культурном дискурсе) // Материалы международной научно-практической конференции к юбилею д.ф.н. проф. А.М. Мелерovich. М.; Кострома, 2008.
4. Хмелевский М.С. «Языковой портрет» современной Украины — социолингвистический аспект // Komunikacja specjalistyczna. Warszawa, 2017. № 13.
5. Врублевська Г. Суржик як мовна характеристика персонажа в сучасній українській мові // Волинь — Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2002. № 9.
6. Масенко Л. Мова і політика. Київ, 1999.
7. Чуб Д. Живий Шевченко. Київ, 2005.
8. Словник української мови в 11 тт. Київ, 1978. Т. 9.
9. Карпенко-Карий І. Хазяїн. Харків, 2006.
10. Флайер М.С. Суржик или суржики? // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М., 2010.
11. Шевченко Т.Г. Наймичка. Повести. Киев, 1984.
12. Киевский суржик. URL: <https://www.interesniy.kiev.ua/kyevskiy-surzhik>
13. Богуславский С.М. Иллюстрированный путеводитель по г. Киеву. Киев, 1904.
14. Старицкий М.П. За двома зайцями // Твори: У 8 т. Київ, 1964. Т. 2. Драматичні твори.
15. Савченко А.В., Хмелевский М.С. Русский текст в украинском разговорном языке // Студії з філології та журналістики. Ужгород, 2016.
16. Масенко Л. Мова і суспільство: Постколоніальний вимір. Київ, 2004.